

III. Отчетъ о поѣздкѣ съ этнографическими цѣлями въ Вологодскую и Архангельскую губерніи члена-сотрудника М. Б. Едемскаго. въ іюнѣ и іюлѣ 1908 года.

Помимо собиранія матеріаловъ изъ области народной словесности и быта жителей сѣвернаго края, цѣлью моею настоящей поѣздки я ставилъ также и выясненіе вопроса о движеніи заселенія нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстъ на границѣ этихъ двухъ губерній.

Имѣя у себя кое-какія, собранныя раньше, свѣдѣнія касательно заселенія Кокшенинъ Тотемскаго (и Вельскаго) уѣзда поселенцами съ Ваги, изъ Шенкурскаго уѣзда, я полагалъ ознакомиться, для пополненія имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ по этому вопросу, съ нѣкоторыми памятниками живой старины по всему протяженію рѣчной системы Кокшенинга-Устья-Вага-С. Двина; и такъ какъ вся область этой системы состоитъ въ постоянномъ общеніи съ г. Архангельскомъ, то и рассчитывалъ я найти кой-какія руководянія въ предполагаемой работѣ указанія, главнымъ образомъ, историческаго характера въ г. Архангельскѣ и отчасти въ Соловецкомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, надежды мои въ этомъ отношеніи совсѣмъ почти не оправдались. Въ Архангельской библіотекѣ не нашлось ожидаемыхъ свѣдѣній, а ризница Соловецкаго монастыря, въ которой хранятся многія болѣе или менѣе древнія рукописи, оказалась совершенно закрытой для обозрѣнія. Отчасти благодаря этому обстоятельству, отчасти по другимъ соображеніямъ, пришлось нѣсколько видоизмѣнить и самый планъ поѣздки, хотя не оправдавшиеся изъ указанномъ направленіи расчеты мои и были до нѣкоторой степени вознаграждены тѣмъ, что по дорогѣ въ Соловецкій монастырь, а также въ самомъ монастырѣ и въ г. Архангельскѣ удалось завязать нѣсколько знакомствъ съ лицами, отъ которыхъ я получилъ не мало интересныхъ свѣдѣній изъ области этнографіи и частью исторіи края. Весьма полезнымъ въ этомъ отношеніи было знакомство и съ архангельскими музеями (городской, рыбнотомленскія и древнехранилище). Съ древнехранилищемъ, находящимся въ стѣнахъ Архангельскаго монастыря, познакомилъ меня лично главный устроитель и блюститель его, редакторъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, І. М. Сибирцевъ, любезно удѣлившій отъ своихъ дѣлъ срочныхъ текущихъ дѣлъ значительное количество времени для указаній и объясненій. Въ древнехранилищѣ, помимо большого количества церковныхъ и домовыхъ иконъ, иногда весьма старинныхъ и рѣдкихъ по исполненію, среди которыхъ встрѣчаются вырѣзанныя на деревѣ и даже на камнѣ (одна каменная икона, изображающая распятаго Господа І. Х., Богію Матерь и Марію Магдалину, вѣсиль 8 пудовъ) — не мало предметовъ церковной утвари и одежды, а также книги: нѣлая коллекція писанныхъ масляными красками портретовъ мѣстныхъ архіереевъ; встрѣчаются интересные предметы иного характера, вродѣ такихъ, напримѣръ, какъ зеркало царевны Софіи, попавшее въ этотъ край вмѣстѣ съ заточеннымъ сюда въ свое время кн. В. В. Голицынымъ. Очень хорошею сохранности церковныя брачныя вѣнцы изъ рябиновой коры. Большая коллекція церков-

ныхъ ризъ изъ крестьянскаго холста, повидимому, мѣстнаго производства, обращаетъ на себя вниманіе красотою и искусствомъ ихъ окраски, благодаря которой нѣкоторыя изъ нихъ въ отдаленіи производятъ впечатлѣніе бархатныхъ.

Изъ старыхъ книгъ одно евангеліе принадлежитъ XIV вѣку.

Въ городскомъ музеѣ обращаютъ на себя вниманіе образчики предметовъ мѣстныхъ производствъ и промысловъ: рыболовныя сѣти и разнаго рода снасти, модели судовъ, крестьянскихъ построекъ, соляныхъ варницъ, образчики различныхъ видовъ холста и узорчатаго тканья крестьянскаго. Встрѣчаются старинные портреты и гравюры, между которыми находится, между прочимъ, писанное масляными красками въ лицахъ „родословное дерево“, насколько помнится, XV вѣка. Есть предметы, относящіеся къ быту инородцевъ края.

О жизни инородцевъ любопытныя свѣдѣнія даютъ русскіе старожилы въ тѣхъ мѣстахъ. Такъ свящ. Н. Преображенскій, миссіонеръ, жительствующій въ г. Кемі, рассказывая о проповѣди православія среди кареловъ, жалуется на полное почти отсутствіе здѣсь какого-либо просвѣщенія, что, разумѣется, препятствуетъ проникновенію сюда добрыхъ культурныхъ вліяній вообще и въ частности дѣлу религіознаго просвѣщенія, поэтому даже среди православнаго по имени населенія еще слишкомъ много языческаго. Между прочимъ, упорно держится обычай закалывать на 3-ей или 4-ой недѣлѣ великаго поста, оленя и съѣдать торжественно съ особыми обрядами въ честь бога Ке.

Въ полномъ согласіи съ этими данными находятся также указанія на мѣстный бытъ другого карельскаго старожила, фельдшера Кистеневской волости, Д. Н. Смирнова, который рассказывалъ, между прочимъ, что у карель Кемскаго уѣзда, считающихся безпоповцами, а по духу скорѣе язычниковъ, браки до сихъ поръ совершаютъ колдуны, обводя жениха и невесту вокругъ ящика, иногда съ пригнанными невесты, или вокругъ какого-нибудь чурбана; при этомъ они шепчутъ какое-нибудь колдовство, по временамъ останавливаясь и дѣлая кресты на окружающихъ предметахъ. Иногда во время обвода жениха и невесты другія дѣвушки подбѣгаютъ и присаживаются на этотъ ящикъ, чтобы скорѣе выйти замужъ. (Примѣта).

Изъ Архангельска въ Двинѣ и Сухонѣ черезъ Устюгъ я проѣхалъ до Тотмы. Въ Устюгѣ за время остановки парохода удалеся проѣхать по всему городу и побывать въ нѣсколькихъ церквахъ, которыя построены здѣсь очень скученно, иногда по нѣскольку вмѣстѣ. Въ церкви св. Прокопія Устюгскаго у раки его мощей находитея, между прочимъ, ваза изъ темнаго кристаллическаго балуна, вынаваго, какъ говорятъ, изъ каменной тучи вмѣстѣ съ другими камнями: преданіе объ этой тучѣ, надвигавшейся на г. Устюгъ и чудесно отведенной молитвами св. Прокопія на глухой лѣсъ (сузѣмъ) въ 20 верстахъ отъ города, широко распространено по сѣверу. Изъ всѣхъ церквей, которыми такъ богатъ Великій-Устюгъ, наиболѣе древнею и по мѣсту и по времени постройки является церковь свѣ

Павла и Варлаама, находящаяся, вмѣстѣ съ другой болѣе поздней стройки церковью, на старинномъ городницѣ, подъемъ на которое со стороны пареходной пристани идетъ отлогимъ откосомъ, по которому съ трехъ остальныхъ сторонъ спускается большими крутизнами: къ р. Сухонѣ, съ одной стороны; съ другой, противоположной—къ значительныхъ размѣровъ пруду и съ третьей—въ широкій ровъ. Время постройки церкви свв. Павла и Варлаама относятъ къ XV столѣтію; рядомъ съ ней недавно стояла и обрушилась отъ ветхости еще болѣе старинная церковь. По всей вѣроятности, городнице было однимъ изъ первыхъ мѣстъ поселенія предковъ нынѣшнихъ устюжанъ. Иконы и живопись по стѣнамъ церкви Павла и Варлаама вѣютъ глубокой стариной. Къ сожалѣнію, живопись испещрена сѣтью мелкихъ трещинъ, между которыми краска кой-гдѣ начинаетъ отставать; необходима умѣлая реставрація. На картинѣ страшнаго суда имѣется къ группѣ поставленныхъ ошуюю любопытная надпись: „жиды литва кизилбаша арапы немцы кунцы и русь“.

Всю средину лѣта, отъ конца іюня до начала августа, я провѣлъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, сначала въ Кокшенинѣ, въ ста верстахъ къ сѣверу, отъ г. Тотмы—въ Спасской волости, а потомъ—въ с. Леденскѣ, отстоящемъ отъ Тотмы на 35 верстѣ въ противоположную сторону.

Въ Кокшенинѣ я посвятилъ нѣкоторое время фотографированію сценъ изъ быта мѣстныхъ крестьянъ. Было сдѣлано почти до ста снимковъ: извозвареніе, свадьба, сѣнокосъ, бѣшенье, пахота, ѣзда въ тарантасѣ и проч. Наряду съ фотографированіемъ я собиралъ и записывалъ и напечатки народной словесности: духовные стихи, сказки, пѣсни; записано два-три заговора; проверены и пополнены записи свадебныхъ причетовъ, сдѣланныхъ здѣсь раньше; собрано нѣсколько отрывковъ изъ сказанія о Царѣ-Соломонѣ. Кроме того, были приобретены кой-какіе изъ предметовъ крестьянскаго обихода, выходившихъ уже изъ употребленія, вроде, напр., деревяннаго колокола, называемаго *ропотомъ* или *ропотней*, подѣшиваемаго на шею коровъ при выгонѣ ихъ на пастбище; или—были куплены у старушки Х. Д—ой „башмаки“, родъ туфель съ высокими каблучками и фигурными желѣзными подковками, изъ легкой матеріи и безъ задниковъ. Любопытно, что въ такихъ „башмакахъ“, по словамъ Х. Д—ой, дѣвушки-невесты ѣздили раньше къ обѣднѣ даже среди зимы, въ морозы, иногда за нѣсколько верстъ: лакова ужъ была мода, поясняетъ Х. Д—ая, и моя маменька рассказывала, какъ она въ нихъ „*Крещенью*“ щеголяла на погостѣ“.

Село Леденскъ или Леденское, называемое у стариковъ Тотемскаго и близъ лежащихъ мѣстностей другихъ уѣздовъ Усольемъ, иногда Усольемъ Леденскимъ, раскинулось по берегамъ р. Леденги, вокругъ когда-то большаго казеннаго солевареннаго завода, имѣвшаго свыше 20 варницъ со всевозможными богатыми сооруженіями, о которыхъ въ настоящее время свидѣлствуютъ въ большинствѣ случаевъ лишь грандіозныя развалины.

Желѣзисто-соляные источники, бьющіе изъ нѣсколькихъ трубъ артезианскихъ колодцевъ, иногда съ глубины слишкомъ въ сто два-

днать саженъ, обладаетъ высокими цѣлебными качествами для ревматиковъ, невралгиковъ и другого сорта больныхъ, и при самой примитивной приспособленности ихъ къ утилизаціи собираютъ и нынче въ теченіе лѣта до 150 человекъ больныхъ, преимущественно изъ ближайшихъ сѣверныхъ городовъ и мѣстечекъ. Въ самое послѣднее время я имѣю свѣдѣнія объ ассигнованіи Тотемскимъ земствомъ, взявшимъ у казны эти источники въ аренду на 24 года, двадцати пяти тысячъ рублей на устройство ваннъ и гостиницы для приѣзжихъ больныхъ; такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ с. Леденское обратится въ завравскій курортъ.

Населеніе села достигаетъ 1500 жителей и состоитъ изъ заводскихъ крестьянъ, надѣленныхъ отъ казны землею. Собралось оно въ значительной части изъ другихъ, болѣе древнихъ соляно-заводскихъ районовъ сѣвера и частью изъ окрестныхъ мѣстъ. Изъ трехъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь фамилій—Бабушкиныхъ, Сысоевыхъ и Мезеневыхъ—происхожденіе послѣдней связывается съ городомъ Мезенью; Сысоевы считаются еврейскаго происхожденія.

При своей крайней бѣдности населеніе живетъ не тужитъ и славится своими пѣвцами и пѣвицами, а также плясунами и плясуньями. Въ воскресенье и праздничные дни лѣтомъ, а зимой и въ будни, молодежь собирается большими партіями, отплясываютъ „чижика“ и другіе танцы и нерѣдко импровизируютъ прекрасныя хоры старинныхъ народныхъ пѣсень (напѣвы нѣсколькихъ такихъ пѣсень записаны, лѣтъ 7—8 тому назадъ, любителемъ этнографомъ А. П. Поповымъ). Среди молодежи болѣе зажиточныхъ семействъ, по образу жизни приближающихся къ городскимъ обывателямъ, распространены пѣсни и игры (и тоже старинныя) нѣсколько иного характера, чѣмъ въ остальномъ народѣ. Изъ такихъ были записаны мною, съ указаніемъ хода игры, 12 номеровъ:

1) Родичка, 2) Какъ по морю, 3) Занька во снѣжкахъ, 4) Въ хоромотѣ была мы, 5) Не за городу ходить, 6) Занька погуляй, 7) Стои, частой березникъ, 8) Вхала дума, 9) Занюю, 10) Подойду, подоткну, 11) Какъ у дяди X было семеро дѣтей и 12) Я горю, горю на кадиновомъ мосту.

Сверху того, были также записаны еще три сказки.

Наряды и костюмы какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, мало чѣмъ отличаются отъ городскихъ и потому не представляли особаго интереса для фотографирования.

По языку и пѣснямъ населеніе Леденска стоитъ нѣсколько ближе къ населенію Кокшениги, сравнительно съ гораздо болѣе близкими по мѣсту жителями Куденги и по-сухонскихъ приходовъ, между Леденскомъ и Кокшенигой.

Собранные мною материалы, по мѣрѣ обработки, будутъ поступать въ распоряженіе Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. Общества, которому долгомъ считаю выразить мою признательность, какъ и глубокоуважаемому Предѣлтелю его В. И. Ламанскому, за оказанную мнѣ поддержку въ моихъ скромныхъ попыткахъ принести посильную пользу для русской этнографіи.